

Китайский Махно: генерал-анархист Чэнь Цзюньмин

28 ноября, 2017, источник: [здесь](#)

Чэнь Цзюньмин российскими историками характеризовался как генерал-милитарист, предавший первого президента республики Сунь Ятсена и изгнавший его из Кантона. Например, в книге И. Ермашева «Сунь Ятсен» Чэнь Цзюньмин назван исключительно «типичным милитаристом» и «предателем», подсылавшим к Сунь Ятсену убийц. Ермашев пишет, что Чэнь вел тайные переговоры с южными генералами о создании «Федеративного правительства автономных провинций», а когда эти переговоры провалились, вступил в сговор с главой северной клики У Пэйфу и устроил мятеж. При этом остается совершенно

непонятной причина расхождений между Сунь Ятсеном и его соратником с дореволюционных времен Чэнь Цзюньмином. Попытку реабилитации предпринял сын генерала Лесли Чэнь, выпустивший ряд работ на эту тему. По мнению Лесли Чэня, биографию его отца извратили как коммунисты, с одной стороны, так и националисты, с другой. Истинная биография Чэнь Цзюньмина в пересказе Лесли Чэня выглядит примерно так.

Предыстория

В первой половине XX века Китай, мучительно искавший модель модернизации, сотрясли несколько крупных движений:

1. Новая политика реформ и конституционное движение позднего периода династии Цин, 1898-1911;
2. Республиканская революция 1911;
3. Движение за новую культуру периода «4 мая» 1919 года;
4. Федералистское движение в 1920-1926 гг;
5. Националистическая (Гоминьдановская) Революция 1926-1949 и
6. Коммунистическая революция 1949 года.

Чэнь Цзюньмин (1878-1933) сыграл важную роль в первых четырех из этих движений. По образованию он был юристом и стал цинским законодателем, республиканским революционером, военным лидером, гражданским администратором и федералистом, который стремился преобразовать Китай в демократическую республику.

Однако Чэнь канул в безвестность из-за своего несогласия с Сунь Ятсеном о направлении, которое должны принять реформы. Сунь хотел объединить страну силой и изменить институт власти путем централизованного управления, основанного на однопартийной системе. Чэнь выступал за многопартийный федерализм и мирное объединение Китая. После восстания войск Чэня в 1922 году, которое заставило Суня бежать из Кантона (Гуанчжоу) и отсрочить его северную экспедицию, Сунь ополчился на Чэня. Националистическая партия Суня (Гоминьдан) быстро начала публиковать клеветнические материалы о Чэне, чтобы дискредитировать его. Коммунисты, которые вступили в союз с Сунем и которые до сих пор считают его отцом китайской революции, продолжают характеризовать Чэня как предателя и реакционного военачальника.

Конфликт между Сунем и Чэнем был конфликтом двух различных концепций национального строительства – централизма и федерализма. Четыре года спустя, в 1926 году, когда Северная экспедиция националистически-коммунистического союза прокатилась через южные и центральные провинции, все провинциальные учреждения, провинциальные и местные собрания, а также местные самоуправляемые общины, ассоциируемые с представлением о федеративном государстве, перестали существовать. История Чэнь Цзюньмина и федерализма с тех пор оставалась скрытой за националистическими и коммунистическими оценками современной китайской истории.

Доклад Уинстона Се, опубликованный в 1962 году, стал первой западной научной работой, которая дает сочувственный анализ политической карьеры Чэнь с акцентом на его идеи и идеалы. Се отмечает, что Чэнь имел сильную интеллектуальную близость и политические связи со многими китайскими анархистами и что он становился большим покровителем анархистского движения всякий раз, когда оказывался у власти. Три десятилетия спустя, в 1990-е годы, аналогичные замечания были сделаны в трех подробных работах, написанных о китайском анархизме, соответственно Зарроу (1990), Дирликом (1991) и Кребсом (1998).

В статье Се была описана политическая деятельность Чэнь Цзюньмина, в том числе его сочинения в Чжанчжоу в период Четвертого мая и в Гонконге в последние годы его жизни. Чэнь был одним из основателей и покровителей анархистской террористической группы во время республиканского революционного движения 1910-1911. Группа была самой идеалистической и морально сознательной среди всех радикальных организаций в движении. После успешного свержения династии Цин группа распалась; Чэнь продолжал быть покровителем и защитником своих анархистских друзей и товарищей, которые оказались вовлечены в социальное и культурное реформаторское движение в Кантоне. В период Четвертого мая Чэнь создал с помощью анархистских интеллектуалов «идеальный» город Новой Культуры в Чжанчжоу, Фуцзянь, который получил признание критиков как в Китае, так и за рубежом. Вернувшись в провинцию Гуандун в 1920-е годы, Чэнь активно способствовал мирному объединению страны через «китайский федерализм» – продвигая объединение «снизу-вверх», что, очевидно, имеет анархическое происхождение.

Философ Джон П. Кларк определяет анархизм как политическую теорию, которая должна содержать:

1. видение идеального, не принудительного, не авторитарного общества; критику существующего общества и его институтов, на основе этого антиавторитарного идеала;
2. видение идеального, не принудительного, не авторитарного общества;
3. критику существующего общества и его институтов, на основе этого антиавторитарного идеала;
4. представление, что человеческая природа может значительно прогрессировать по направлению к идеалу; и стратегию изменения, включающую неотложный набор не принудительных, не авторитарных и децентрализованных альтернатив.

Китайские анархисты распространяли свои идеи, публикуя журналы, книги и памфлеты в Париже, Кантоне, Чжанчжоу и Шанхае. Один из теоретиков китайского анархизма Лян Бинсянь так резюмировал их действия в тот период:

1. Интерпретировали и пропагандировали теории социальной революции и частной собственности Прудона; коммунизм и теорию взаимопомощи Кропоткина в дополнение к социальному дарвинизму; и философию жизни Кропоткина.
2. Противостояли расизму, национализму и милитаризму.
3. Выступали против договорного брака и брака ради прибыли и за свободу любви.
4. Боролись за свободу личности, социальное равенство и бесклассовое, но организованное общество.

5. Выступали против империализма и национальных границ; продвигали мир Великой гармонии.

6. Противостояли религии, одурманивающей сознание людей; выступали за мобилизацию человеческой мудрости, чтобы улучшить физический мир.

Китайские анархисты были в числе первых, кто осуждал конфуцианство, обсуждал феминизм, содействовал реформе языка, а также организовывал профсоюзы. Они унаследовали конфуцианскую философию человеческой благости и они считали, что у человеческих существ есть качества, которые позволяют им жить вместе в мире Великой гармонии. Таким образом, они отвергли идею Утопии, которая якобы существует за пределами нашего мира, и утверждали, что Великая гармония достижима посредством начала реформ в каждой общине.

Для анархиста не может быть никакого разделения между революционным процессом и революционной целью. Именно на этом вопросе о целях базировалось расхождение во взглядах между анархистами и марксистами, а не на их видении идеального общества. Китайские анархисты стояли против классовой борьбы для достижения бесклассового общества. Они критиковали марксизм за создание центра власти либо в пролетариате либо в «представляющей» его коммунистической партии, которые воспроизводили те самые властные структуры, отвергаемые им в теории.

Ранняя революционная деятельность

Чэнь Цзюньмин родился в 1878 году в Хайфэне, Гуандун, в помещичьей семье, которая обладала определенным богатством и славилась ученой репутацией. Он начал изучать конфуцианскую классику в возрасте пяти лет и получил степень сюэя, когда ему было двадцать два. В 1906 году он поступил в Академию права и политологии в Кантоне и закончил ее два года спустя лучшим в классе. Только что созданная академия предназначалась правительством Цин для подготовки будущих чиновников, особенно парламентариев. Учреждена она была в рамках программы реформ, предназначенных подготовить Китай к конституционной монархии – усилия эти напоминали происходящее в Японии после реставрации Мэйдзи 1868 года. Академия пригласила японцев и китайцев, обучавшихся в Японии, давать курсы японского конституционного движения и западного образования.

Два события характеризуют раннюю приверженность Чэнь Цзюньмина к участию в местных и национальных делах. Первое привело к успешному импичменту окружного судьи за жестокое и неподобающее поведение. В итоге незаметный студент юридического факультета из удаленного городка в Восточном Гуандуне приобрел в провинциальной столице репутацию лидера, готового рисковать своей жизнью ради борьбы с несправедливостью. Добавило Чэню популярности и то, что он отказался получить финансовое вознаграждение за свои усилия.

Второе событие произошло во время отпуска Чэня из академии в феврале 1908. У исторического святилища поэта, педагога и полководца Вэнь Тяньсяна в Хайфэне Чэнь уговорил более тридцати молодых людей из деревни присягнуть тайной поддержке национальной революции. Группа Чэня была составлена из доморощенных деревенских интеллигентов из антимагнчжурского движения, не получивших ни иностранного образования, ни бывших членами одного из традиционных тайных обществ. В то время как в Китае многие революционные группы разделяли сильные националистические и антидинастические взгляды, хайфэнская группа отличалась от своих зарубежных соотечественников, вроде Сунь Ятсена, которые призывали к падению маньчжурского режима, сидя в тихих гаванях зарубежных стран. Для этих сельских интеллигентов революция была средством к ближайшей цели, искоренением страданий и социальной несправедливости, которые окружали их каждый день. Они уделяли особое внимание проблеме местной реорганизации и социальным реформам. Как и анархисты, они хотели, чтобы социальная революция немедленно последовала за успешной национальной революцией.

После окончания Академии в 1908 году, Чэнь вернулся домой, где в 1909 году основал «Хайфэн цзычжи бао» («Газета хайфэнского самоуправления»). Чэнь был главным редактором, а несколько других его деревенских товарищей редакторами. Они, не колеблясь, обличали социальные недуги, постоянно добавляя, например, заголовок «зло неравенства» к сообщениям о кражах или грабежах. В октябре, всего через год после достижения минимально положенного тридцатилетнего возраста, Чэнь был избран в первое Собрание провинции Гуандун в Кантоне. Там он участвовал в разработке практической политики одновременно с тайной работой по свержению династии Цин.

До успешного восстания в Учане, которое привело к революции 1911 года, Чэнь участвовал в двух неудачных восстаниях в Кантоне: восстании новой армии 12 февраля 1910 года и восстании 27 апреля 1911 г. Неудачи заставили Чэня изменить стратегию – он решил переключить внимание с вооруженной до зубов и находящейся в полной боевой готовности столицы провинции. Когда весть об учанском восстании 10 октября 1911 года достигла Кантона, Чэнь тайно уехал в свои родные районы в Восточном Гуандуне, чтобы поднять революционную армию. Крестьяне составляли основную часть этой армии; ими руководила смешанная группа бывших военнослужащих, членов тайных обществ, местных интеллигентов и китайцев-эмигрантов из Юго-Восточной Азии. Чэнь Цзюньмин, в первый раз в своей политической карьере, оказался верховным главнокомандующим армии, которую с полным правом можно было бы назвать «народная революционная армия». Для флага своей армии Чэнь принял древний знак системы одинаковых земельных участков «колодец-поле», подписав его старой китайской поговоркой «земля – земледельцу».

Армия Чэня захватила Хойчжоу, столицу Восточного Гуандуна 8 ноября 1911 года, что привело к декларации независимости провинции на следующий день без дальнейших боевых действий. Чэнь впоследствии стал генерал-губернатором нового республиканского правительства провинции. В критический период после бурной революции его администрация предоставила Гуандуну сильное и стабильное правительство. Его достижения были, по описанию американского генерального консула, Лео Берггольца, «не меньше, чем чудо».

Связи с анархистами и эксперимент в Чжанчжоу

После провала восстания Новой армии в феврале 1910 года Чэнь Цзюньмин уехал в Гонконг, где он и десять других товарищей вместе с Лю Шифу организовали тайное революционное общество под названием «Китайский террористический союз».

Неофициальным, но безусловным лидером союза был Лю Шифу, который впоследствии стал идеологом китайского анархизма. Шесть лет спустя в Чжанчжоу, Чэнь Цзюньмин признался одному из последователей Лю: «Трудно низвергнуть бремя зла. Это еще более трудно для кого-то, кто готов взять это бремя на себя. Шифу учит людей низвергнуть его. Позвольте мне взвалить его на свои плечи на всю оставшуюся жизнь!» Чэнь решил выбрать другой подход для достижения той же цели, что и Лю. Но было между ними и общее. Шифу был широко уважаем за серьезность намерений и последовательность в воплощении в жизнь того, что проповедовал – черты, которые разделял Чэнь Цзюньмин на протяжении всей политической карьеры.

Чэнь также оказывал поддержку У Чжихуэю (1864-1953), еще одному столпу китайского анархизма. У, организатор популярного движения «прилежной работы, экономной учебы» в начале 1920-х, приехал на юг, чтобы заручиться поддержкой Чэня. С помощью Чэня ему удалось получить пожертвование в размере \$ 100,000 на фонд Франко-китайского

института в Лионе. В итоге институт, в котором смогли обучаться китайские рабочие, был открыт. У позже стал видным государственным деятелем националистической партии Сунь Ятсена и предал идеалы анархизма.

Два года (август 1918 - ноябрь 1920), что Чэнь Цзюньмин провел в Чжанчжоу, впервые предоставили ему шанс воплотить в жизнь его реформаторские идеи. Его ученичество в качестве члена Собрания провинции Гуандун и его опыт генерал-губернаторства в 1912 году теперь принесли свои плоды. Он знал, что работе по строительству сильных гражданских институтов нужно оказывать военную поддержку. В своих действиях он руководился принципами Движения за новую культуру. Идею этого движения породило возмущение, вызванное «Двадцать одним требованием» Японии и событиями 4 мая 1919 года.

Армия Чэня, которая теперь называлась Гуандунская армия, возглавлялась людьми, которые сражались вместе с ним во время революции 1911-го. Чэнь проявил себя высокоморальным главнокомандующим; его армия была самой дисциплинированной в ту эпоху.

Чэнь приступил к осуществлению программы социальных реформ и экономического развития в находящих под его контролем двадцати шести округах южной Фуцзянь. Размах реформ был таким впечатляющим, что они вскоре привлекли внимание за рубежом. Немецкая газета, например, назвала Чжанчжоу «яркой звездой на Востоке». Некоторые студенты Пекинского университета, идеализирующие новый коммунистический режим в России, были настолько впечатлены после посещения Чжанчжоу, что откликнулись в своей студенческой публикации: «Чэнь – человек, посвятивший себя революции... Практика в эпоху коммунизма не может быть лучше той, что Чэнь осуществил в Чжанчжоу... Чжанчжоу – это Москва южной Фуцзяни». Американский консул в Сямыне прокомментировал: «Китайцы увидели, что может быть сделано без чрезмерных лишений и тяжелых налогов». Действительно, некоторые современники называли Чжанчжоу «маленькой моделью Китая».

В плане культуры Чэню помогала группа «свободных социалистов», в основном последователей Лю Шифу, которые приехали в Чжанчжоу «реформировать образование, издавать книги и газеты, изменить отношение общества, поднять уровень знаний народа и трансформировать двадцать шесть округов южной Фуцзяни в здоровую и автономную область». Они верили, что этот кусок чистой и здоровой земли может служить ярким примером для остального Китая, тем самым вызвав реформу всей страны. Среди них был и Лян Бинсянь, игравший при Чэне роль эдакого Воина при Махно.

У самого Чэнь Цзюньмина было слишком мало времени, чтобы писать во время своей активной политической карьеры. Тем не менее, в Чжанчжоу ему удалось создать несколько статей и стихотворений. В его трудах отражено глубокое влияние анархических идей абсолютного равенства, моральной чистоты, демократии, взаимной помощи и освобождения от институционального ярма.

В центре первого общественного парка Чжанчжоу, который создал Чэнь как символ новой эпохи, он возвел башню. На ее четырех сторонах были написаны большими буквами четыре центральных понятия Движения за новую культуру: 自 由 (свобода), 平 等 (равенство)

(равенство), 同 bó'ài (братская любовь) и 助 hùzhù(взаимопомощь). В своей передовице в газете «Миньсин Бао» Чэнь исследовал значение этих слов и философии, лежащей в основе нового движения. Он утверждал, что Движение за новую культуру обязательно должно включать в себя реформу человеческой мысли, но он предостерегал от применения силы или чего-нибудь, что можно назвать промыванием мозгов, в процессе реформирования человеческой мысли. Он считал, что Китай должен следовать эволюционным процессом, основанном на братской любви и принципе взаимопомощи. В конце концов, по его мнению, человеческое общество разовьется до стадии, когда люди обретут счастье полного равенства и не будут страдать под рабством государств, наций или отдельных лиц. Чэнь утверждал, что необходимо великое пробуждение всякого ума, чтобы все освободились от преобладающего ошибочного мнения, что «каждый должен бороться за свое существование, не заботясь о жизни и смерти других».

В бытность студентом Академии права и политологии в Кантоне Чэнь выражал энтузиазм по поводу социального дарвинизма и даже взял себе имя Цзинчунь (борьба за существование). Теперь однако он явно отклонился от доктрины социальной эволюции, считая жестокую борьбу за существование морально неадекватной.

В то время растущего национализма Чэнь считал, что национализм уводит далеко в сторону от представления о духовном и совершенном человеческом обществе. Он энергично выступал против его догматов в качестве категорического императива. Вместо этого он верил в искренние и более прочные принципы братской любви и взаимопомощи: «Люди имеют естественную способность к братству и братской любви. Если кто знает, как любить свою страну, то почему бы не научить его полностью раскрыть свои способности и любить все человеческое общество? Быть способным любить все человечество означает, что никто не может отказаться от сочувствия к другим, так как в историческом прошлом он связан, по меньшей мере частично, со всем человечеством... Если какую-нибудь нацию угнетают сегодня, мы можем броситься ей на помощь, не ощущая никакого противоречия с состраданием, которое мы испытываем к другим народам... Разве понятие «социализма всего человечества» (同 人 类 社 会 主 义 quán rénlèi shèhuì zhǔyì) не лучшая доктрина?»

В другой публикации, в «Миньсин жибао», Чэнь написал манифест с изложением миссии газеты. Он повторил темы построения нового общества путем сбрасывания ярма старого общества ради свободы, путем уничтожения классовых различий ради равенства, и отказа от конкуренции ради взаимной помощи.

Вопреки классическому анархистскому учению Чэнь был не против религии. Когда его друг Сюй Цянь, известный правовед, решил «уйти от конфуцианства, чтобы обратиться в христианство», Чэнь вдохновился написать статью во славу христианства под названием «Не быть рабом зла». В отличие от традиционных китайских учений, в глазах Чэня западная христианская религия несла реформаторский заряд. Недаром за полвека до того восставшие бедняки-тайпины вдохновлялись христианскими идеями. Чэнь отмечает, что Иисус из Назарета был человеком, который проповедовал равенство, свободу, братскую любовь и самопожертвование, и кто был готов нести бремя мучений, чтобы спасти мир. Чэнь считал христианство основной движущей силой свободы и равенства, которой наделены люди в западных странах.

Как англичане, так и американцы, не делавшие различия между последователями левых движений, в своих дипломатических отчетах иногда называли Чэнь Цзюньмина «Генерал-большевик». Но в докладе американского миссионера в Чжанчжоу консулу в Сямыне предложена более мягкая оценка: «На большом спортивном мероприятии, проводившемся здесь на прошлой неделе, распространялась большевистская литература и прозвучали несколько речей. Генерал Чэнь – сам социалист (но я не могу поверить, что самого радикального типа), по-видимому, он помогал этому движению».

У Чжихуэй посетил Чжанчжоу в 1919-1920 гг. Его замечания отражают позицию, преобладающую в то время среди большинства китайских интеллектуалов (разделял ее, в том числе, и Чэнь Цзюньминь): «Что касается марксизма, мы изучали и обсуждали его много раз в нашем издании The New Century в Париже более десяти лет назад. В конце концов, мы отвергли его [как неприменимый в Китае] ... В действительности, у каждой страны свой путь и свои условия, которые приводят к началу социальной революции. Мы понятия не имели, что там Ленин прячет у себя за пазухой».

Несмотря на то, что китайцы не были уверены, «что Ленин прятал за пазухой», они не боялись нового советского государства и не испытывали к нему неприязни. Они относились к нему с любопытством и искренне восхищались руководством Ленина в борьбе угнетенного русского народа против царского империализма. Советский Союз находился в младенчестве, а Коммунистическая партия Китая еще не родилась. Это было еще время, когда все с жаром погружались во все разнообразие новых социальных идей.

Федерализм и федералистское государство

После возвращения из провинции Фуцзянь с Гуандунской армией в ноябре 1920 года Чэнь Цзюньмин немедленно приступил к осуществлению пламенной программы по превращению Гуандуна в идеальную провинцию с тем, чтобы «завоевать доверие нации». В интервью Родни Гилберту, американскому корреспонденту шанхайской газеты North China Daily News, через два месяца после возвращения в Гуандун Чэнь описал основную философию и конечную цель программы реформ Гуандуна. Он объяснил, зачем на данном этапе нужно его правительство: «Жители Китая не достаточно организованы, чтобы выразить себя или сделать ощутимой свою коллективную волю. Однако они привыкли к самоуправлению в своих деревенских общинах, и если есть демократия в Китае, она должна будет развиваться из этих общин и их традиции самоуправления. Мы должны работать снизу вверх, а не сверху вниз, как мы и пытались сделать уже столько лет...

Мы считаем, что если мы начнем применять наши идеи в Гуандуне, и, в конце концов, добьемся успеха, наш пример побудит жителей провинций вокруг нас настаивать на аналогичной системе, и это движение распространится по всему Китаю ... Если мы получим несколько провинций, мы сможем объединить их и прибавлять другие, одну за другой, пока не преобразуемся в правительство Соединенных провинций».

В двухлетний период 1921-1922 гг, значительные и беспрецедентные результаты были достигнуты в преобразовании Гуандуна по всем направлениям – в создании современных муниципалитетов, выборах окружных судей и членов собраний, реформе образования, развитии промышленности, судебной реформе, рабочем движении, торговле и транспорте. Выборы окружных судей и членов собраний были беспрецедентными в истории Китая. Правительство Гуандуна способствовало организации профсоюзов, но «сурово предостерегало» их от забастовок в качестве средства для урегулирования трудовых жалоб. В то же время, правительство запустило кампанию по ликвидации неграмотности среди рабочей силы путем создания вечерних школ на заводах. К началу 1922 г. насчитывалось более 130 союзов, зарегистрированных провинциальным правительством, представляющих более 300 000 членов. Союз механиков был одним из самых сильных, а его лидерами были видные анархисты.

Без письменных законов и с небольшим опытом, губернатор Чэнь взял на себя претворение в жизнь того, что работники передовых промышленно развитых стран получили только десять лет спустя, – права работников на ведение коллективного трудового спора через их собственное представительство без вмешательства, ограничения или принуждения со стороны работодателей. Используя этот подход, он помог урегулировать крупную забастовку гонконгских моряков 1922 г. У Чэня была похожая идея по организации крестьянских союзов в качестве средства для аграрных реформ; он применил ее на практике в Восточном Гуандуне в 1923-1925.

Идея Чэнь Цзюньмина о построении демократии снизу вверх очевидно имела анархическое происхождение. Известный американский педагог и философ Джон Дьюи, который посетил Китай с двухлетним курсом лекций в 1919-1921, высоко оценил Чэня и федералистскую программу в Гуандуне. Дьюи посетил Гуандун весной 1921 г. В июле он написал в The New Republic о взглядах Чэня на объединение Китая «самими людьми, используя не силу, но методы нормальной политической эволюции».

В то время как в начале 1921 года Собрание провинции Гуандун работало над провинциальной конституцией, Чэнь Цзюньмин разрабатывал «план преобразования» – предложение по национальной конституции. План был, по сути, политической инициативой гуандунских федералистов, которые стремились к незамедлительным мерам, чтобы достичь объединения страны. На севере Ху Ши и ряд видных ученых, писавших для пекинского периодического «Нули чжоубао», советовали как Сунь Ятсену, так и У Пэйфу, что только принятие федеральной системы власти может спасти страну от расчленения военачальниками. Раскол внес Чэнь Дусю, впоследствии ставший основателем Коммунистической партии Китая. Чэнь Дусю подверг федералистов яростным нападениям: «Те, кто выступает за «федерацию провинций», просто используют «федерацию самоуправляющихся провинций» как предлог, чтобы осуществить захват территорий военными губернаторами».

После заключения союза с Коммунистической партией Китая в 1924 году Сунь Ятсен выбрал ту же линию нападения, что и Чэнь Дусю: «Если мы должны будем подражать американской федеральной системе и преобразуем Китай в Соединенные провинции, для каждой провинции будет необходимо иметь свою конституцию и управлять собой. После того, как провинциальные конституции будут воплощены в жизнь, можно будет создать федеральную конституцию».

Но в реальности это преобразует единый Китай в двадцать независимых частей, а затем их нужно будет воссоединить, так же, как десять старых независимых штатов Америки сто лет назад. Это решение ... абсолютно неправильно».

Сунь никогда не обсуждал плюсы и минусы федеральной системы власти в Китае. Вместо этого, для того, чтобы развить свои доводы, он играл с двумя парами антонимов, – «объединенный» (統一 tǒngyī) против «раздельный» или «разъединенный» (分裂 fēnliè), и «централизованное правительство» (集权 jíquán) против «децентрализованного или федерального правительства» (分权 fēnquán). Сунь вел своих слушателей к мысли, что единая система провинций, в которой власть разделена между центральными и местными органами власти (分权 fēnquán), была на самом деле разъединенной или раздробленной (分裂 fēnliè) структурой. Сунь также ошибочно использовал термин «объединение» (tǒngyī), как синоним сосредоточения всей власти в центральном правительстве (jíquán). Следуя советскому примеру, объединение силой в высоко централизованный режим, функционирующий в соответствии с пожеланиями партийного лидера, стало единственной и безальтернативной программой реорганизованной партии Суня в 1924 году.

Такое слияние слов – tǒngyī и jíquán – имело большую привлекательность для разделенной нации. С помощью советских методов массовой пропаганды и политических действий Суню

удалось дискредитировать федералистский принцип построения демократии снизу вверх, доктрину, которая была необычайно популярна в Китае на протяжении более десяти лет.

Для того, чтобы развеять опасения китайского народа о создании тоталитарного государства в советском стиле, Сунь окутал свою программу двумя новыми принципами. В Декларации националистической партии на ее первой национальной конвенции в январе 1924 года Сунь объявил о принятии принципа равенства власти (均權 jūnquán zhǔyì) и о введении уездного (縣 xiàn) самоуправления. По его модели, разделение власти между центральными и местными органами «не будет походить ни на централизованную (中央 zhōngyāng jíquán), ни на децентрализованную (地方 dìfāng fēnquán) систему управления». Губернатор провинции должен быть избран народом, но он «получает приказы по исполнению своих обязанностей от центрального правительства». Уезд считается основной единицей местного самоуправления. В сущности, то, что предложил Сунь, было советского типа федерацией «самоуправляющихся» уездов.

После поражения Гуандунской армии в 1925 году от обученных и снаряженных Советским Союзом сил Суня, Чэнь Цзюньмин переехал в Гонконг, где продолжал искать объединения Китая политическими средствами. В своей книге «Предложение по объединению» Китая, опубликованной в 1927 году, Чэнь видит китайский федерализм координирующим четыре уровня географического разделения – село, район, уезд или город, и провинцию – с двумя типами организации, традиционной географической и профессиональной или торговой. Здесь отражена анархическая система «крайней» децентрализации, при которой власть делегирована вверх от самой маленькой единицы – поселка или села. Новое участие профессиональных или торговых организаций напоминает о бакунинской свободной федерации рабочих союзов, как индустриальных, так и земледельческих, научных и литературных.

В последние годы в Гонконге Чэнь выступает за расширение федералистского принципа на преобразование Азии, Европы и Америки, ведущее, в конечном счете, к всемирной федерации:

1. Строительство Китая на принципах равенства благосостояния, равенства прав и равенства возможностей.
2. Преобразование Азии в организованную единицу является краеугольным камнем всемирной организации. Для того, чтобы достичь мировой гармонии, Азия, Европа и Америка должны быть отдельно организованы в федерации.
3. Организация мира в федерацию на основе принципа равенства и мирного сосуществования. Упразднение военных организаций в каждой стране. Китай должен играть роль члена-основателя в этой всемирной федерации.

В следующие после 1920 годы многие люди во всем мире поддерживали идею мирового федерализма, устав от бессмысленной бойни и разрушений во имя национализма во время Первой мировой войны. Была создана Лига Наций, но это болезненно слабое учреждение не могло противостоять силам фашизма и нацизма. Многие китайские интеллектуалы надеялись на Лигу Наций; в частности, среди них был марксист Ли Дачжао. Ли видел исторический прогресс в более высоких уровнях организации: «Южная Америка, Европа и

Азия – каждая объединится. В конце концов, они объединятся друг с другом и упразднят все расовые и национальные границы».

Кажется, нет существенной разницы между тем, за что выступал Чэнь Цзюньмин, и что предсказывал Ли Дачжао, при продвижении к миру Великой гармонии. Важное отличие заключается в стратегии, которая выбирается для достижения целей. Федералист Чэнь Цзюньмин применял концепцию федерации каждого уровня организации, построения демократии снизу вверх – стратегии анархистской, цели которой не должны быть отделены от средств в процессе изменений. Ли Дачжао применял марксистский подход. Для анархистов цель марксистов не обязательно неправильна, но «учитывая методы, которые они защищают, можно быть уверенным, что они никогда не достигнут ее».

Итоги

Темы национализма, революции и коммунизма доминировали в изучении современной китайской истории с конца периода Цин до настоящего времени. Анархизм и федерализм уже давно игнорируются теми, кто смотрит на историю глазами победителей. Как отмечает историк Джеймс Джолл, «убеждение, что только триумфатор должен вызывать интерес историка, приводит к игнорированию многого в прошлом, что является ценным и любопытным, и сужает наш взгляд на мир».

Первая четверть двадцатого века был золотым веком для китайских интеллектуалов. В конце движения цинских реформ издавалось около ста журналов, содержащих многочисленные очерки западной мысли и практики. В течение шести месяцев студенческого движения Четвертого мая в 1919 г. в газетных киосках появилось более четырехсот новых периодических изданий. Известный педагог Цай Юаньпэй позже с ностальгией вспоминал ситуацию 1910-х и 1920-е годов: «В то время свобода мысли и слова были практически безграничны».

Кардинальный поворот произошел в 1924 году, когда Сунь Ятсен реорганизовал националистическую партию по образцу Советской России и осуществил «партификацию» (党 ǎnghuà) образования, государственной службы, судебной системы и вооруженных сил. Через четыре года после смерти Суня, в 1929 году, Ху Ши, в то время бывший ректором частного университета в Шанхае, писал: «[В настоящее время] отрицание существования Бога является приемлемым, но критика Сунь Ятсена запрещена... запрещено не читать «Завещание» Суня или не соблюдать еженедельную памятную церемонию». С этого времени самой влиятельной теорией всегда считались речи и статьи правителя.

Приверженность Чэнь Цзюньмина федерализму был естественным продолжением его опыта и философии. Он верил в реформы снизу вверх. Он считал, что страна должна опираться на свои исторически сильные стороны, особенно на многолетний опыт самоуправления на местном уровне. Чэнь думал, что, укрепляя этот потенциал, его товарищи китайцы научатся успешно управлять собой на региональном и в конечном счете на национальном уровне. Джон Дьюи писал в *The New Republic*, что он жил «почти спартанской жизнью в стране, где официальная должность в значительной степени ценится за роскошь, которую она сулит».

